

Вырезка из газеты

УРАЛЬСКИЙ
РАБОЧИЙ

24 МАЯ 1980

г. Свердловск

Три названные спектакля поднимают этические проблемы широко, и каждый в соответствии со своими узловыми темами, от вопросов о месте самой морали в жизни («Революционный этюд») до маленькой заминки, спора о том, как писать родным о гибели бойца («Берег»).

Слово «берег», как и другие, многозначно. Видимо, и в одноименной книге Ю. Бондарева, которая легла в основу пьесы, и в свердловском спектакле понятие «берег» включает в себя в какой-то мере многие из оттенков. Но прежде всего для авторов, для героев «Берег» — это страстно желаемая четкость, стабильность позиции, душевная опора, «берег обетованный».

Необходимость пристать к моральному берегу, не к любому, а именно к «тому», нужно, единственному, всегда считалась людми жизненной потребностью. Если берега не видно, это мыслится как катастрофа, несчастье. Недаром четкая партийность марксистской идеологии всегда вызывала у наших противников не только злобу, но и зависть.

В духовной жизни человека понски берега подчас не менее драматичны, чем в открытом океане. Моряк хотя бы уверен в существовании берега, а заблудившийся в духовных лабиринтах — не всегда. В морали тоже трудно определиться с берегом. Казнить или миловать, мстить или перевоспитывать, суровая правда или красивая выдумка — сотни подобных вопросов ежедневно встают перед людьми. Каждый из них, в свою очередь, может быть еще более детализирован.

Есть ли такой берег, курс на который позволил бы не ошибаться?

Обратимся за ответом к Ленину. Берега названы им с исчерпывающей точностью: в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма.

Тот же случай с совслужащей Сапожниковой («Революционный этюд») — к какому берегу она ближе? Стремится к нашему, а на деле немудело барахтается в волнах вздыбившейся жизни и иной раз гребет к противоположному. По безграмотности, невежеству — политическому, административному, моральному — она неспособна отыскать промежуточные звенья между незаконно реквизированной у крестьянина кобылой и

БЕРЕГ ДУХОВНОГО ПОИСКА

Театр

Человечество располагает пока двумя основными способами отметить юбилей: непосредственным обращением к образу выдающегося человека и оценкой в свете его идей сегодняшней жизни. Видимо, основные работы Свердловского академического театра драмы за последний сезон — спектакли «Гнездо глухаря», «Революционный этюд», «Берег» (постановщик — главный режиссер театра А. Соколов) допустимо рассматривать как связанные, прямо или косвенно, с недавним ленинским юбилеем.

Ленин — это и индивидуальное духовное богатство любого из нас, и в юбилейный год мы ждем от театра радости новой встречи с вождем. Новой — не в смысле очередной, а обогащающей, вносящей в облик Ленина, который живет в душе каждого, то, чего там раньше не было. Театр оказался на высоте этой задачи, понимая, что в наше время общий разговор о Ленине является уже недостаточным. Требуется более углубленное раскрытие правды ленинского характера, в частности — постижение его колоссального нравственного богатства.

мировой революцией, соединяет их негнущей линией — чего тут думать! — и допускает грубую ошибку. Ленин, разбирая ее промах, блестяще показывает естественные, невымученные связи между тем и другим, столь ясные для него и так трудно понимаемые ею. Зритель воочию убеждается, что ориентация на берег — четкий нравственный эталон — необходима всегда. Это, во-первых. И, во-вторых, она возможна, если серьезно подойти к ее поискам.

Театр учитывал при создании «Революционного этюда» все возрастающую потребность каждого ощутить не только свою причастность к великому ленинскому делу, но и проверить себя на пригодность к нему. Поэтому создатели спектакля руководствовались словами Н. К. Крупской: «Образ Ленина — это мысль Ленина». Театру удалось всколыхнуть прежде всего интеллектуальные чувства зала, заразить его напряженностью умственной жизни вождя. Если «Гнездо глухаря» и «Берег» невольно вызывают потребность оглянуться на Ленина, то «Революционный этюд» заставляет всматриваться в будущее с величайшего исторического рубежа.

В «Революционном этюде» М. Шатрова театр сумел главное: донести до зрителя революционный гуманизм ленинского подхода к политическим событиям. Секрет этой удаче, думается, в строгой подчиненности всех содержательных компонентов спектакля основному — утверждению жизненности ленинизма. Роль В. И. Ленина — одно из наиболее серьезных актерских достижений В. Марченко, которому удалось передать великую убежденность вождя в исторической правоте пролетариата.

В спектакле не всегда равноценны актерские работы (среди удавшихся особенно хочется отметить Ходока в исполнении В. Кадочникова и Сапожникову в исполнении Л. Денисенковой). Есть и спорные в художественном отношении моменты: не очень вписались в общую концепцию постановки зонги, вставки. Но в целом спектакль удался.

Многие из героев его оказываются в ситуации героини известной повести А. Толстого «Гадюка»:

только что гремели бон и оба берега четко разделились огненной чертой, а теперь не поймешь, где свои, где чужие. Но для создателей постановки и для зрителя берег не только просматривается в туманных очертаниях, а на протяжении всего сценического действия ни разу не уходит из виду.

Два других спектакля — «Гнездо глухаря» по пьесе В. Розова и «Берег» Ю. Бондарева стали интересными событиями минувшего сезона, хотя общее толкование пьес театром могло быть, наверно, точнее. В первом из них четко оценивается лишь бесспорное (подлец Георгий), а спорное для героев подчас таким и остается для зрителей. Подернулся дымкой неопределенности берег, к которому они тянутся. Жизненное звучание спектакля может быть усилено, на наш взгляд, за счет более четкого выявления смысла «бунта» Натальи Гавриловны (В. Шатрова), снятия излишней нервозности, идущей порой не на пользу образу, в поведении Искры (Г. Умпелева), более осязательного отношения театра к самым молодым героям.

Темпераментной актерской работой порадовал в этом спектакле Ю. Васильев, сыгравший оторвавшегося от жизни, обворожительного Судакова (эта роль актера была справедливо признана лучшей ролью 1979 года на проходившем в Свердловске театральном конкурсе). Но и у Ю. Васильева, как и у режиссера спектакля, думается, есть возможность подать характер сложнее и четче. Сейчас впечатление такое, что театр больше все-таки борется против Судакова, чем за него (определяющими в образе оказались краски сатирически броские). А такие, как Судаков, не подлежат прямолинейной оценке.

Что касается «Берега», здесь тоже как бы преувеличена и драматизирована ситуация уже упомянутой повести Толстого. Авторы спектакля, естественно, далеки от мысли примитивно идеализировать или мазать детем героев. Они сложны — но до какой черты? Для главных из них — писателей Никитина и Самсонова, лейтенанта Княжко — в конце войны был четко виден «берег обетован-

ный» — мир, Победа. А спустя четверть века... «Лучший из всех», как упорно подчеркивается и в книге, и на сцене, Княжко погиб на войне. Из «нелучших» не все его помнят (Эмма). Другие не ощущают в себе той моральной бескомпромиссности, которая восхищала их в Княжко. «Ностальгия поколений» порой замутняет их зрение. Отсюда деталь, которая при внимательном рассмотрении может показаться чудовищной и кощунственной: высказанное в минуту отчаяния заявление Эммы о том, что лучше война и та полнота жизни, которая была тогда, чем сегодняшняя «холодность», бесцветность существования.

Вероятно, рост спектакля должен идти опять-таки за счет уточнения и усложнения режиссерских задач и их актерского решения. Княжко в исполнении артиста И. Насонова в целом привлекателен. Но ему не хватает спокойствия, прочности жизненной установки. Княжко в спектакле — как натянутая струна. Заявленный автором романа этический максимализм героя многократно усилен. И его моральная непримиримость начинает казаться декларативной.

Классики марксизма, отмечая непредсказуемость многих частных деталей будущего, видели основные пути к нему. Поэтому должна быть проведена четкая грань между драматизмом жизненного, нравственного поиска, связанного с уточнением, корректировкой позиций, — с одной стороны, и между принципиальной готовностью человека вечно вибрировать, сидеть на двух стульях и выдавать это за затянущиеся духовные искания — с другой.

Театром эта грань в «Береге» ощущается не всегда. Никитин в молодости привлекает своим душевным здоровьем, ясным видением мира. Никитин в зрелости — а эта пора особенно выгодно отличается от «туманной» юности внутренним равновесием, выработанностью взглядов — кажется менее цельным, определенным. Но ведь уже сам высокий уровень нравственных поисков — проявление духовной силы героя. Нам близок и дорог основной пафос образа: сопоставлять сегодняшние проблемы с высокими мерками дней Великой Отечественной.

Ленинская мысль, отмечал Горький, «как стрелка компаса, всегда обращалась острием в сторону классовых интересов трудового народа». Направленность моральных поисков, определенность в понимании точки отсчета — особенность нравственной позиции современного человека, на деле «выучившегося коммунизму» у Ленина. Это отчетливо провозглашает театр в лучших своих работах.

Н. ЮШМАНОВА,
доцент Свердловского
педагогического